

фонд
либеральная
миссия
исследования
фонда
либеральная
миссия

Эмиль Паин
Между империей и нацией

Эмиль Паин

**Между империей и нацией.
Модернистский проект и его
традиционалистская альтернатива
в национальной политике России**

«Новое издательство»

Паин Э. А.

Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России
/ Э. А. Паин — «Новое издательство»,

Что такое национальная политика либерального государства? Насколько уместно ее осуществление в современной России? И насколько уместна здесь ее альтернатива – традиционалистский имперский проект? На эти вопросы отвечает книга известного российского этнополитолога Эмиля Пайна. В приложении к книге – материалы обсуждения первого издания «Между империей и нацией» с участием Отто Лациса, Сергея Митрохина, Владимира Мукомеля, Андрея Пионтковского, Анатолия Чубайса, Евгения Ясина и других авторитетных экспертов и политических деятелей.

© Паин Э. А.

© Новое издательство

Содержание

От автора	5
Введение	7
Этнополитический маятник и волны модернизации	16
Интерпретации взаимосвязи рассматриваемых процессов	16
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Эмиль Абрамович Паин

Между империей и нацией.

Модернистский проект и его

традиционалистская альтернатива

в национальной политике России

От автора

Фонд «Либеральная миссия» инициировал второе издание моей книги спустя всего несколько месяцев после выхода первого в декабре 2003 года. Не скрою, мне это приятно – так же как и то, что тираж первого издания разошелся в мгновение ока, а посещаемость интернет-сайта, где была представлена книга, оказалась рекордно большой.

Пользуясь случаем, я внес в книгу некоторые дополнения. Прежде всего они связаны с итогами последних президентских выборов и проявившемся на них эффекте «демонстративной лояльности» жителей республик Российской Федерации, а также с показательным объединением Коми-Пермяцкого АО с Пермской областью. Также в настоящем издании отражена свежая информация об этническом экстремизме и ряд других новых материалов. Здесь же впервые представлены материалы обсуждения книги, состоявшегося в Москве 5 февраля 2004 года.

Сама же идея этой книги родилась несколько лет назад в ходе дискуссии «Десять лет после августа», организованной Фондом «Либеральная миссия» 21 сентября 2001 года. Участниками дискуссии была высказана мысль о том, что современные либеральные мыслители в России сумели более или менее ясно для российской общественности сформулировать идеи экономической модернизации общества, менее четко определили либеральные ориентиры в сфере общей политики и практически не высказали своей позиции по проблемам этнической политики. Это заметно ослабляет концептуальный потенциал либеральной политики не только в этой области, но и в ряде смежных областей, в том числе при решении таких кардинальных вопросов развития страны, как реформирование административно-территориального управления, совершенствование федеративных отношений, проведение миграционной политики, развитие российской культуры и др.

Стремление хоть в какой-то мере восполнить этот пробел и стимулировало работу, результаты которой мы предлагаем оценить читателям.

Исследование выполнялось в Фонде «Либеральная миссия» как часть более широкой исследовательской темы «Модернистский проект»¹.

Работа над этнополитическим компонентом «Модернистского проекта» продолжалась с января по сентябрь 2003 года. В ней приняли участие многие известные российские эксперты, выступившие на организованных Фондом семинарах – ситуационных анализах, которые были посвящены трем узловым проблемам этнической политики:

1. *Русский вопрос в России*. В чем суть этого вопроса? Каковы функции и роль этнического большинства в процессе нациестроительства в России? Должна ли федеральная власть проводить особую политику для решения проблем этнического большинства?

¹ Обсуждение этого проекта см.: <http://www.liberal.ru/issue.asp>.

2. *Этнические аспекты федерализма.* Совместима ли асимметричность федерации (наличие областей и республик) и сохраняющаяся этнополитическая специфика ряда ее субъектов, прежде всего некоторых республик, с идеей развития гражданского общества и гражданской нации? Какое влияние оказала рецентрализация управления, доктрина «вертикали власти» на этнофедеративные отношения в России? Какой должна быть политика властей в этой сфере?

3. *Этнические аспекты миграционных процессов.* Способствует ли миграция росту этнофобий? Каковы среднесрочные перспективы этнических миграций? Какой должна быть взаимосвязь между миграционной и этнонациональной политикой?

Ни в российской политической практике, ни в исследованиях российских ученых готовых ответов на поставленные вопросы не существует, поэтому обсуждение их было весьма интересным и, как мне представляется, плодотворным. Первоначально у меня, как у руководителя исследовательского проекта, была мысль просто обобщить и отредактировать выступления участников обсуждений и этот материал представить на суд читателей. Однако в процессе работы я по ряду причин отказался от этой идеи. Во-первых, материалы указанных ситуационных анализов представлены на сайте Фонда «Либеральная миссия», поэтому заинтересованные лица имеют возможность ознакомиться с ними в оригинале. Во-вторых, мы специально приглашали на наши семинары специалистов разных областей знания, а главное, людей, отличающихся своими политическими установками и отношением к предмету исследования, поэтому обобщить их позиции оказалось практически невозможно.

В-третьих, все три наши дискуссии, при обилии высказанных на них интересных идей, все же не дают целостного представления о рассматриваемых проблемах, и прежде всего потому, что не вписаны в общий контекст этнополитических процессов. Поэтому было принято решение, поддержанное руководителями Фонда, написать книгу не столько на материалах, сколько «по мотивам» прошедших семинаров. Основное внимание в ней уделено анализу главных тенденций этнополитических процессов, механизмов, приводящих их в движение, а также авторскому видению контуров национальной политики и ее составной части – этнической политики – в концептуальной перспективе модернистского проекта.

Выражаю свою искреннюю благодарность всем участникам ситуационных анализов – Л. М. Дробижевой, А. Г. Гришановой, Л. Д. Гудкову, Ж. А. Зайончковской, Н. В. Зубаревич, И. М. Клямкину, И. М. Кузнецову, Н. М. Лебедевой, В. И. Мукомелю, Т. В. Полосковой, В. П. Расторгуеву, Л. В. Смирнягину, Е. И. Филипповой, Е. Г. Ясину.

Введение

Идея государства-нации, подразумевающая сочетание демократического типа государственного устройства и гражданского типа нации, – такой же знаковый признак либерализма и модернизма, как рынок, демократия и свобода слова. По-моему, взгляды на феномен нации даже в большей мере характеризуют модернизм мышления современных политиков, чем, скажем, взгляды на свободу рыночных отношений. В самом деле, не просто определить, кто больший рыночник – Хайдер или Шредер, Ле Пен или Ширак, зато легко отличить названных политиков по их отношению к миграциям, к меньшинствам, представителям разных рас и конфессий. А за этим стоит более фундаментальный вопрос: какую модель нации отстаивают маргинальные политики типа Хайдера или Ле Пена и те, кто олицетворяет в цивилизованном мире политическую респектабельность, – нацию гражданскую, равноправную или этническую, в которой есть главный, «свой» народ и народы прочие, второстепенные, «чужие». Тот факт, что феномен нации практически выпал из поля зрения российских либералов, свидетельствует лишь о том, что отечественный либерализм идеологически еще не самоопределился и, подобно мольеровскому герою, еще не знает, что говорит прозой.

В России никогда не было национальной политики как нациестроительства (nation-building). Министерства и ведомства, которые считались ведающими такой политикой, на самом деле занимались более узкими вопросами, теми, которые включаются обычно в понятие «этническая политика». Однако и в этом случае можно говорить о присущей российской политической традиции узости представлений о ее предмете. В России этническую проблематику привыкли связывать только с проблемами меньшинств (точнее, нерусских народов), а отсюда как бы сам собой напрашивается вывод: «Стоит ли заниматься проблемами 15–17 % населения, когда у нас есть более важные задачи?» Между тем проблемы этнических меньшинств трудно отделить от проблем этнического большинства жителей. Скажем, чеченская проблема затрагивает не только чеченцев, составляющих сотые доли процента населения России, но вот уже почти десять лет будоражит все российское общество.

Не менее важно и то, что в современной России все более актуальными становятся и особые проблемы этнического большинства, русских, хотя бы потому, что представители этой этнической общности сегодня демонстрируют более высокий уровень национальной озабоченности, чем представители многих других национальностей. Зоны проявления этнополитических проблем все более смещаются из республик в русские регионы России. Объектом ксенофобии ныне выступают не только «чеченские сепаратисты и террористы», но и большая часть мигрантов, особенно иноэтнических. Мигрантофобия, в свою очередь, выступает преградой для развития экономики, испытывающей потребность в притоке рабочей силы. Нужна миграция и для поддержания приемлемого уровня воспроизводства населения. Так что проблемы, которые мы рассматриваем, так или иначе затрагивают практически все сферы развития страны и общества.

Разумеется, не только недостаток внимания к национальным, этнополитическим проблемам и узость их трактовки обусловили отсутствие у политиков либерального направления, да и у других политических сил, целостной концепции нациестроительства. Еще в большей мере это объясняется реальной сложностью и «деликатностью» предмета размышлений, а также дискуссионным характером многих теоретических проблем, которые нельзя обойти при разработке концепций национальной политики.

Назову лишь некоторые из таких проблем, затронутых в настоящей работе.

О сущности нации. Это самый спорный и, я бы даже сказал, запутанный вопрос в мировом обществоведении. В книге дается краткий обзор дискуссий по этой проблеме, анализируются аргументы сторонников как этнической, так и гражданской трактовки понятия «нация».

Обозначена в ней и позиция автора по этому вопросу. Не буду повторять ее здесь, скажу лишь, что я присоединяюсь к распространенному в мировой науке мнению о том, что переход от имперского типа государства к государству-нации Россией еще не завершен. При этом ни я, ни мои зарубежные коллеги не сомневаемся в том, что по своему государственному устройству современная Россия уже не империя, хотя немалая часть ее элиты сохраняет черты имперского сознания, более того, имперские признаки мышления в последние годы даже усилились и приобретают идеологическое оформление. В книге показано становление этой идеологии, названной автором «рецидивирующим традиционализмом», и обозначены политические факторы, выступающие ее активными проводниками.

Замечу, что в российском обществоведении преобладает крайне узкая трактовка понятия «империя» и производных от него понятий «имперская политика», «имперское мышление» и др. Обычно последние связываются только с внешнеполитической экспансией, с ориентацией на захват новых земель. Однако функции империи никогда не сводились только к захвату территорий, еще важнее была функция их колонизации и удержания. И в этом смысле весьма примечательно, что в новое для России время, в эпоху, фактически совпавшую с приходом к власти В. Путина, все большей популярностью пользуется традиционный, имперский, колониальный по своей сути, принцип удержания территорий, обладающих этнической спецификой. Принцип удержания, противоположный принципу добровольной и осознанной интеграции народов в федерацию, обозначен даже в официальных документах. Так, в Послании президента Федеральному собранию В. Путин называет в качестве подвига России «удержание государства на обширном пространстве»².

И все же главным признаком империи является тип государственного устройства, основанный на принципах авторитарной самодержавной власти. Не всякое государство, ведущее экспансионистскую политику и владеющее колониями, называют империей. Республики, которые проводили колониальную политику, будь то феодальная Венецианская или капиталистическая Французская, удерживавшая свои колонии до середины 1950-х годов, не определяются в науке как империи. Римское государство захватывало колонии и владело ими задолго до того, как стало империей, однако историки различают республиканский и имперский периоды жизни этого государства.

Сегодня многими забыт первоначальный смысл латинского слова *imperator* – повелитель, самодержец. Если вдуматься в него, то становится понятно, что имперская политика начинается не с колоний, а с метрополии, в которой демократия (в своих ранних формах) заменяется автократией, где устанавливается имперский принцип подданства, противоположный принципу гражданства. Подданные не могут оказывать влияние на формирование власти, они слуги царева (напомню, что русское слово «царь», как и немецкое «кайзер», производно от *caesar* – император), поэтому даже население метрополии, народ, выполняющий функции «цемента империи», является государствообразующим только по отношению к еще более бесправным жителям колоний.

Конечно же, колониализм и экспансионизм не случайно связаны с имперским типом государственного устройства, они чаще всего и побуждают к большей концентрации власти, вплоть до ее сосредоточения в одних руках, однако именно самодержавная власть и генетически, и функционально является стержнем имперской политики. Ведь и в России она появилась не сразу, а, вероятнее всего, во времена Петра I, хотя завоевания и удержания обширных земель происходили и до него, например в правление Ивана Грозного. И дело здесь не только в юридическом определении России как империи, которое ей дал Петр, но и в фактическом устранении остатков феодального управления.

² Послание Президента Российской Федерации Владимира Путина Федеральному Собранию РФ 16 мая 2003 г. // Российская газета. 2003. 17 мая (http://www.rg.ra/Anons/arc_2003/0517/Lshtml).

Современные историки выделяют систему признаков классической империи нового времени, отличающих ее как от феодальных государств, так и от государств конституционных, демократических. Все эти признаки связаны с двумя базовыми понятиями – с централизацией и иерархизацией. Назову лишь некоторые из этих признаков: *централизация и иерархизация самодержавного аппарата*, связанная с диверсификацией функций государственного управления и введением многоярусной Табели о рангах; *иерархизация пространственного тела империи* с четким разделением центра и иноэтнической периферии (провинций, колоний); *иерархизация этнических общностей* с выделением главного государствообразующего народа, государствообразующей религии и титульного языка; *иерархизация сословий*, в которых не просто отделяется плебс от аристократии, но и устанавливаются ранги самой аристократии; *иерархизация культуры*, в которой народная (простонародная) культура отделена от высокой, призванной к тому же обеспечивать функцию возвеличивания империи. Во внешней политике империи нового времени отличались от феодальных государств тем, что добивались *легитимизации статуса великой державы и претендовали на роль блокообразующего лидера на международной арене*³. Таким образом, и внешнеполитическая среда имперского мира была иерархизирована, в ней появились державы с признанным статусом разного ранга, да и завоевания в ней перестали носить сугубо прагматический смысл и зачастую в большей мере играли роль символов, доказывающих право на определенный статус в мировой политике.

Мысль о системном характере связи основных элементов империи, и прежде всего экспансионизма, колониализма и самодержавия (авторитаризма) при ведущей роли последнего, развивается в настоящей книге, является одной из важнейших в ней и во многом определяет авторскую концепцию.

Для своего времени классическая империя была передовой формой государственной организации, которая стала изживать себя лишь к середине XIX века с появлением и утверждением новых, более жизнеспособных образцов государственного устройства. Однако в XX столетии появились «вторичные империи». Это особые (диктаторские) модификации империй, сохранившие их главную сущность – авторитаризм и производные от него свойства политики – экспансионизм и колониализм.

Два таких государства сыграли наибольшую роль в истории XX века. Одно из них официально именовалось империей (германский Третий рейх), второе называлось Союзом Советских Социалистических Республик, хотя фактически они мало отличались как друг от друга, так и от классических империй. Их сходство не ограничивалось только тоталитарным подавлением всех форм самоорганизации общества. Оно проявлялось также и в утрированном, даже по сравнению с классическими империями, уровне централизации и иерархизации не только власти, но и всей жизни общества включая культуру и науку, в которых устанавливалась многоярусная вертикаль рангов, а также во внешних символах власти, например в склонности к имперской помпезности архитектуры, музыки, литературы и т. д.

В какой-то мере новые диктаторские империи отличаются от классических демонстративным использованием символов народовластия – конституций, выборов, парламента. Однако и это не было такой уж новацией, поскольку и Римская империя сохраняла институт сената как дань республиканской традиции и также использовала его исключительно как декоративный атрибут, что позволило, например, императору Калигуле назначить сенатором своего коня.

Более существенная особенность новых империй заключалась в том, что они постоянно нуждались в мобилизации общества на основе различных видов страха, и прежде всего ксенофобии (страха по отношению к чужим). В книге делается попытка объяснить, почему такие

³ См.: *Филлюшкин А.* Начало Российской империи (к постановке проблемы) // Новая имперская история России и Евразии: Сб. работ в честь С. Беккера. М.: НЛО (в печати).

свойства диктаторских империй, как ксенофобия и этнонационализм, в принципе не присущи классическим империям в периоды их стабильного развития.

Хочу обратить внимание на кажущиеся существенными различия между двумя разновидностями вторичных империй по характеру используемых ими мобилизационных ресурсов. Гитлер, как известно, в основном опирался на разжигание этнорасовых фобий, направленных против так называемых неарийских народов, а Сталин – на социальную ненависть к классовым врагам. Однако на самом деле эти различия сводятся лишь к неодинаковым пропорциям использования одних и тех же мобилизационных ресурсов. Гитлеровская партия называлась национал-социалистической и, по крайней мере во фразеологии, позиционировала себя как антикапиталистическая, при этом этнорасовые враги одновременно были и классово чуждыми (мировое еврейство – мировые банкиры). Сталин же дополнял классовую ненависть разжиганием этнофобий по отношению к народам-«предателям», проводил этнические чистки (депортации). В Германии власть опиралась на иерархию этнорасовых обществ: немцы провозглашались государствообразующим народом, затем стояли неполноценные народы-расы и, наконец, выделялись народы-враги, подлежащие уничтожению. Но и в Советском Союзе существовала определенная, пусть и менее жесткая, форма иерархии народов, и Сталин также провозгласил русский народ руководящим, государствообразующим.

Нет нужды доказывать, что современная Россия не может быть отнесена ни к одному из названных типов империй. Вместе с тем все более заметно проявляющаяся тенденция возрождения имперского сознания выразительно свидетельствует о внутренней целостности имперского проекта. Так, идея удержания территорий и стремление к воспроизводству блокообразующих функций империи во внешнеполитической сфере неизбежно приводит к усилению авторитаризма, который, в свою очередь, почти всегда сопровождается и ростом колониалистских настроений, и стремлением к воспроизводству иерархии этнических общностей (прежде всего, идеи государствообразующего народа), и даже возрождением культурного декора империи, выражающимся в растущей популярности помпезных архитектурных форм, в ностальгии по империи в литературе и искусстве.

Новая Россия – уже не империя, но она еще и не государство-нация. В государствах с давними демократическими традициями понятия гражданского демократического государства и гражданской нации настолько слились, что стали взаимозаменяемыми и часто пишутся через дефис – nation-state. Между тем стоит задуматься о функциях каждого из элементов этой двуединой целостности.

В книге рассматриваются вопрос о соотношении понятия «нация» и таких близких к нему, но не тождественных понятий, как «народ», «население» и «гражданство», а также характер связи и природа различий наций и этнических общностей. Пока скажу лишь, что новая современная трактовка понятия «нация» в России чрезвычайно затруднена по множеству причин. Среди них языковая традиция, в которой закреплено отождествление этничности и нации. Эта традиция исторически мотивирована: если в России никогда не было гражданского общества, то не могли появиться и представления о гражданской нации. Впрочем, в русском языке в ограниченном виде присутствует понимание нации как общества, о чем свидетельствует, например, весьма популярный в советские времена термин «национализация (обобществление) собственности». В то же время нужно признать, что популярность этого термина никак не сказалась на традиционном для России понимании нации, хотя бы потому, что реально, на практике, национализация означала не столько обобществление, сколько огосударствление собственности.

Подобная практика огосударствления всей общественной жизни делает более вероятным переход от этнической трактовки нации не к общественной, а к государственнической, при которой нация воспринимается как синоним государства. Такая трактовка в последнее время действительно широко распространяется, закрепляясь в терминах «национальная

армия», «Совет национальной безопасности», «национальные (государственные) интересы» и т. д. Подобная терминология используется и в других странах и пришла в Россию как раз из западного политического лексикона, однако там эти термины имеют иной генезис и воспринимаются иначе, чем в нашей стране с ее недавним имперским прошлым.

Для России вопрос о нации не сводится к выбору терминологии. Многое в нашей жизни будет зависеть от ответа на вопрос, кто же должен формировать национальные интересы – государство для общества или общество для исполнения государством.

Сама идея гражданской нации возникла как рефлексия по поводу роли общества по отношению к государству и тесно связана с доктриной «общественного договора» или «народного суверенитета». Суть ее хорошо известна, напомним лишь некоторые ее положения: не государь, а народ (общество) является источником власти, суверенитета; не народ служит государству, а государство является «службой народа», проводником его коллективного национального интереса. Из этого вытекает также и то, что не отдельная группа (династическая, корпоративная или этническая), а *все общество* выполняет государствообразующую функцию, именно оно вырабатывает современные политические механизмы делегирования, разделения полномочий и другие, которые должны предотвращать возможность узурпации власти. *Однако, каким бы демократическим ни было устройство государства само по себе, оно не дает гарантий от перерождения его в диктатуру. Только развитая гражданская нация с устоявшимися гражданскими ценностями и институтами гражданского общества может быть таким гарантом.*

Подобные доктрины первоначально складывались в узких социальных слоях общества (горожане, буржуа), которые раньше, чем другие группы, осознали свои интересы в отношении к абсолютистскому государству, к империи как оппозиционные. Постепенно элитарные идеи, достояние интеллектуалов, становились массовыми в процессе кристаллизации организованного гражданского общества и развития его институтов.

Переход от вненационального развития в империях к гражданской нации, скорее всего, носит универсальный характер, однако траектория этого движения может быть разной, и в книге рассматриваются несколько реальных исторических моделей такого движения. Здесь лишь обозначу авторский подход к этнической форме развития нации.

Прежде всего, *национальное и этническое самосознание имеет разную природу: национальное складывается в процессе осознания обществом своих интересов по отношению к государству, а этническое – во взаимоотношениях одной этнической общности с другой или другими.*

По самой своей природе этническое сознание политически нейтрально, но может приобрести политическую (этнополитическую) направленность под влиянием элит, которые в науке принято называть «этническими антрепренерами». Сам этот термин имеет преимущественно негативное звучание, однако в действительности влияние этнических элит не обязательно противоположно целям модернизации общества, в том числе и целям формирования гражданской нации – все зависит от политической ориентации элит и их фундаментальных интересов в конкретных исторических условиях. Да и сама возможность появления этнонационализма различна в разных исторических обстоятельствах.

Во Франции XVIII века идею народного суверенитета отстаивало прежде всего этническое большинство, французы, которым для осознания своих особых социальных и политических интересов в борьбе с абсолютизмом не нужны были этнические подпорки. А вот в Нидерландах XVI века голландцы вначале осознали специфику своих интересов по отношению к испанским завоевателям, а затем, уже в ходе этнонациональной войны, – и специфику своих политических интересов в сфере национально-государственного устройства. Это пример того, как этнонационализм использовался в качестве трамплина на пути к осознанию идей гражданской нации, и такой путь был характерен для большинства государств бывших колоний,

провинций неких империй. Однако немало и примеров того, как национальные движения, добившись освобождения от колониальной зависимости, сами перерождались в диктаторские режимы и свои государства превращали в микроимперии. И наконец, опыт Третьего рейха демонстрирует модель использования этнического национализма для возрождения империи уже не в колонии, а в метрополии. Автор предполагает, что третья из названных моделей является наиболее вероятной в случае развития этнического национализма в бывших центрах империй и применительно к этническим общностям, выступавшим в прошлом в роли «цемента империи».

По какому пути пойдет Россия?

В России гражданская нация пока не сложилась ни на культурно-ценностном, ни на институциональном уровне. Пока не проявился даже базовый, отправной фактор такого развития – устойчивое преобладание общероссийской гражданской идентичности населения по сравнению с этнической, региональной, конфессиональной и т. п. Не определена и во многом непонятна и траектория такого движения. Просматривающаяся в российской Конституции ориентация власти на развитие гражданской нации, объединяющей весь многонациональный (многоэтнический) народ страны, не конкретизирована в политической практике и пока слабо воспринимается не только в массовом сознании, но и в элитарных кругах. К тому же Конституция создавалась в эпоху, когда либеральные ценности, по крайней мере, декларировались как доминирующие в государстве. В новую же эпоху все большую популярность получают иные принципы формирования нации. Различные модели этнического национализма, основанные как на идеях превосходства одного «государствообразующего народа» над другим, так и на идеях этнического сепаратизма, лишь кажутся конкурирующими, а на самом деле взаимосвязаны и усиливают друг друга. В книге показано, как раскачивается в России этнополитический маятник, как нарушение баланса интересов любой из сторон межэтнических отношений (этнического большинства и этнических меньшинств) различными политическими силами приводит к дестабилизации не только самих этих отношений, но и всей политической жизни в стране.

Проблемы нациестроительства в России осложняются неустойчивым, волнообразным характером ее модернизации с заметными тенденциями к откату на путь традиционализма. Одним из проявлений этого отката, на мой взгляд, является и доктрина строительства «вертикали власти», или «рецентрализации», проявляющаяся в восстановлении унитарной по своей сути вертикали управления регионами России с использованием управленческих моделей, доказавших свою несостоятельность еще в советское время.

Однако традиционалистский откат не ограничивается только сферой политики, он проявляется также в идеологии и в массовом сознании. Поэтому в книге анализируется инверсия основных идеологем ельцинской эпохи в эпоху Путина, а также влияние смены политических и идеологических концепций на рост ксенофобии как этнополитической формы массового проявления традиционализма. Ксенофобия же, в свою очередь, выступает не только следствием традиционализма, но и поводом для его идеологов обосновывать свою доктрину «особого пути развития России», противоположного общим мировым тенденциям модернизации, ссылаясь на «волю русского народа».

Необходимость осознания природы перемен, происходящих в России, и в частности причин усиления традиционалистских тенденций в обществе, стимулируют научные и идеологические дискуссии⁴. Безусловно, правы те социологи, которые говорят, что в новую эпоху смещается сама ось публичной политики – уходит в прошлое противостояние между «демократами» и «коммунистами»⁵. Вопрос в том, что же сегодня пришло на смену прежней оппозиции и становится основным содержанием современной идеологической полемики. На мой взгляд,

⁴ См.: Западники и националисты: возможен ли диалог? Материалы дискуссии. М.: ОГИ, 2003.

⁵ См.: Общественное мнение-2002: По материалам исследований 1989–2002 гг. М.: ВЦИОМ, 2002. С. 42.

основным ее предметом, пока слабоосознаваемым сторонами дискуссии, является вопрос о нации, точнее, о взаимоотношениях общества и государства. *Традиционалисты отстаивают идею огосударствления нации (общества), модернисты, напротив, предлагают проект национализации (обобществления) государства.* Если государство не будет национализировано, то его могут приватизировать в своих интересах те или иные корпоративные группы, для которых лозунги этнического национализма станут лишь прикрытием, как это часто бывало в истории. Можно также образно определить эти различия как противоположность проекта укрепления вертикальных опор государства проекту сооружения горизонтального каркаса нации (общества).

Эта дискуссия между традиционалистами и модернистами вовсе не сводится к тому, что одна сторона выступает за сильное государство, а другая поддерживает анархию. Ее суть – в различном понимании того, в чем состоит сила государства: в интенсивности подавления и подчинения или в способности заинтересовывать общество и развивать инициативу его членов. Различны и предлагаемые механизмы достижения целей, по сути дела, общих как для традиционалистов, так и для модернистов, – роста консолидации общества, укрепления единства страны и обеспечения условий для ее экономического развития.

В отмеченной дискуссии присутствуют и этнополитические аспекты, поскольку традиционалисты обосновывают свой проект в основном декларативными ссылками на русские национальные традиции, которые якобы жестко задают коридор возможных вариаций модернизации в разных сферах жизни. Либеральная же часть спектра российских политических сил либо старается не замечать в этой дискуссии этнополитической проблематики, либо выступает с критикой этнополитических позиций своих оппонентов, указывая на несовершенство их аргументации, но не противопоставляет традиционалистскому проекту собственный конструктивный подход, иначе говоря, свой модернистский этнополитический проект. Поэтому автор предпринимает попытку представить себе, как могла бы развиваться дискуссия между традиционалистами и модернистами, если бы обе стороны сосредоточились на обсуждении этнополитических проблем. В такой воображаемой дискуссии базовым принципам традиционалистского проекта (имперская насильственность, иерархичность и унитаризм) могут быть противопоставлены модернистские идеи – идеи гражданской нации, мультикультурализма и федерализма. Основную же свою задачу автор видит в том, чтобы определить, каким может быть ответ различных этнополитических сил на традиционалистский имперский проект и насколько модернистский проект соответствует интересам различных этнических групп, включая, разумеется, и этническое большинство.

Явное или неявное присутствие этнополитической проблематики в современных идеологических дискуссиях усиливает необходимость рассмотрения еще одного фундаментального вопроса нациестроительства – вопроса *о природе этничности*.

В течение нескольких десятилетий в науке идет спор между сторонниками так называемой «примордиальной» концепции, рассматривающей этничность как природное, естественное (примордиальное) свойство людей, и «конструктивистской», определяющей этнические свойства как преимущественно социально и культурно обусловленные и уже поэтому исторически конструируемые и перестраиваемые. Этот, казалось бы, сугубо академический диспут имеет прямое отношение к современным идеологическим дискуссиям в России, поскольку модернисты преимущественно стоят на конструктивистских позициях, а традиционалисты, чаще всего стихийно, без опоры на теорию, исходят из примордиалистских установок и зачастую утрируют их, выстраивая утверждения, подобные, например, такому: «Если традиции естественны, то они незыблемы». Нет необходимости повторять здесь приводимые в книге аргументы, доказывающие, по крайней мере, спорность такого утверждения. Скажу лишь, что автор является сторонником умеренно-конструктивистской концепции. Ее «умеренность» состоит, прежде всего, в предположении о существовании пределов, границ в конструирова-

нии этничности, обусловленных множеством факторов – от доверия к «конструкторам» и их инструментам до численности этнической общности, ее социальной и образовательной структуры, расселения и др. Важным элементом, обуславливающим ограниченность внешних конструктивных воздействий на общность, является мера их соответствия социальным ожиданиям людей в конкретных исторических условиях. Разумеется, в наибольшей мере границы конструирования задаются инерционностью этнического сознания. Она может ограничивать результативность многих управленческих решений, даже косвенно связанных с этничностью, например в сфере национально-государственного устройства. Этнополитическая практика предоставляет множество примеров того, как благие по своим целям реформы в этой сфере, направленные, казалось бы, на политическую стабилизацию и укрепление целостности страны, приводили к прямо противоположным последствиям именно потому, что вызывали отторжение или даже сопротивление этнических сообществ.

В книге предпринимается попытка обозначить те управленческие решения, которые способны вызывать протест, сопротивление массового этнического сознания. Прежде всего, к ним относятся такие решения, которые связываются массовым сознанием с угрозой основным этническим символам (языку, «исторической территории», самоуправлению и др.), будоражат травмы исторической памяти, нарушают сложившийся баланс интересов этнического большинства, с одной стороны, и этнических меньшинств – с другой.

Говоря о формируемых этническим сознанием границах модернизации и любых других конструируемых изменений общества, в книге нельзя было обойти еще один фундаментальный вопрос – вопрос *о роли элит в этнополитических процессах*.

На этот счет существуют две точки зрения. По одной из них, элитарные слои общества всего лишь воспроизводят, транслируют и перерабатывают массовые стереотипы, по другой – элиты сами конструируют новые идеи и зачастую навязывают их массам. Я полагаю, что эти позиции на самом деле не являются взаимоисключающими. Они могут дополнять друг друга в разных условиях и на разных стадиях развития общества. Материалы этносоциологических исследований, используемые в данной работе, указывают на значительную роль элит в формировании этнических предпочтений, настроений. Вместе с тем, когда подобные настроения уже сложились и приобрели некоторую устойчивость, они сами оказывают влияние на поведение элит и на их социальный состав, скажем, через механизмы выборов, обуславливая спрос на типаж популярных политических деятелей, на продукцию массовой печати и массовой культуры.

Инерционные процессы представляют особый интерес для политической практики, поскольку именно они ставят политиков перед выбором: опереться на сложившиеся стереотипы, подстроиться под них или попытаться их переломить. Однако может быть и третий подход, в какой-то мере синтезирующий два вышеназванных: не только общество должно адаптироваться к модернизации, но и модернизация должна приспособиться к обществу, к его особенностям. Именно этот подход и защищается в книге.

Автор исходит из того, что инерционность этнического сознания не создает непреодолимых препятствий для модернизации страны. Совмещение задач модернизации и учета этнических традиций в мировой практике обычно достигается за счет эшелонирования различных реформ во времени и на основе региональной дифференциации преобразований с учетом достигнутого уровня модернизации регионов.

Признание многообразия форм и возможных траекторий модернизации является главным постулатом концепции «неомодернизма», последователем которой считает себя и автор. Если рассматривать идею «особого пути развития России» с точки зрения признания особенностей ее модернизации (своеобразия форм, темпов, последовательности), то и автор является сторонником такого особого пути.

Признание того, что специфичность развития России, как, впрочем, и любой другой страны, неизбежна, а также совместный поиск этой специфики как традиционалистами, так и модернистами создают возможность для перевода жесткой оппозиции между ними в форму конструктивного диалога.

Итак, дискуссия между традиционалистами и модернистами, отчасти реальная, отраженная в публикациях, отчасти воображаемая, моделируемая автором, стала смысловым стержнем настоящей работы. Под углом зрения этой дискуссии рассматриваются этнополитические процессы в современной России, и прежде всего, динамика этнического самосознания, чередование активности этнического большинства и этнических меньшинств. Эти процессы, так же как и модернизация, носят маятникообразный характер, поэтому одна из основных целей нашего исследования состояла в выявлении взаимосвязи между динамикой модернизации и этнополитическими процессами.

Этнополитический маятник и волны модернизации

Интерпретации взаимосвязи рассматриваемых процессов

Постсоветскую историю России часто подразделяют на два периода, по времени правления двух лидеров. Сравнение эпохи Ельцина с эпохой Путина сегодня пользуется популярностью у политологов, и, на мой взгляд, такой компаративизм не лишен эвристичности. Период правления Бориса Ельцина часто называют *эпохой революции*, поскольку в это время протекали наиболее бурные процессы, связанные с инерцией распада СССР и становлением новой федерации в России, массовым притоком в нашу страну мигрантов из республик бывшего Союза, столкновением интересов внутри российской политической элиты и радикальным переделом собственности. С фактическим приходом к власти Владимира Путина в 1999 году совпало по времени начало периода, который сегодня называют *эпохой стабилизации*.

В этнополитической сфере важнейшей особенностью, разделяющей эти два периода, было *чередование протестной активности, тревожности этнических меньшинств и этнического большинства*⁶. Первый период постсоветской России прошел под знаком активности этнических меньшинств. Второй начался с активизации этнического большинства. Существует ли связь между сменой активности разных этнических общностей? Исследовательская гипотеза состоит в том, что эти явления взаимосвязаны и носят маятникообразный характер: активность меньшинств, прямо или косвенно, активизирует большинство, которое в свою очередь приводит к возобновлению активности меньшинств. Предполагается также существование зависимости между чередованием активности этнических общностей и модернизационными процессами в постсоветской России.

Относительно характера и успехов модернизации России существуют разные точки зрения среди социологов и политологов. Прежде всего, обсуждаются перемены в сознании, в социальной структуре населения с точки зрения соотношения в них традиционных и новых черт. Перечислю несколько таких точек зрения⁷:

- модернизация идет достаточно успешно, однако она может сорваться из-за неадекватных представлений элиты о процессах, происходящих в стране, и неадекватности самой элиты стоящим перед ней задачам;
- модернизация не имеет успеха, поскольку атомизация общества, распад традиционных структур превалируют над формированием современных корпоративных начал и интеграционных механизмов;
- модернизация носит неустойчивый, волнообразный характер – волны ее подъема сменяются волнами рецидивирующего традиционализма.

Маятникообразный характер этнополитических процессов как будто подтверждает волновую концепцию модернизации, однако интерпретация взаимосвязи динамики этнических процессов и волн модернизации может быть различной.

⁶ Используемые мной термины условны – это аналитические конструкты, не претендующие на универсальность и тем более на применение в законодательстве. Под этническим большинством понимаются русские, за исключением тех, которые в некоторых республиках России фактически представляют собой этническое меньшинство. Термин «этнические меньшинства» в данной работе не совпадает с принятым в международном праве термином «национальные меньшинства» и применяется для обозначения не только диаспоральных групп, но и так называемых «титulyных народов» (титulyный – т. е. давший свое название) республик и национальных округов России.

⁷ Более подробно классификацию и анализ различных точек зрения на указанную тему см.: Цирель С. Русские европейцы между «казаться» и «быть» // <http://www.liberal.ru/sitan.asp?Num=299>.

Концепция этничности как традиционализма. Если признать справедливым весьма распространенное представление о том, что всякий рост этнического самосознания усиливает традиционность населения, то при такой интерпретации волны традиционализма накрывают весь период перестройки в СССР и почти весь постсоветский период, за вычетом небольшого временного отрезка (между 1994–1998 годами), когда активность этнических меньшинств уже в основном спала, а активность большинства еще не набрала размаха.

Такая концепция не только не плодотворна для осмысления эмпирического материала, но и принципиально неверна по самой постановке проблемы, поскольку в ней, во-первых, смешиваются два разных феномена – культурные и социально-политические традиции, во-вторых, предполагается, что культурный традиционализм всегда соответствует политическому. Между тем существует немало примеров того, как общества, чрезвычайно бережно относящиеся к своему этнокультурному наследию, одновременно демонстрируют высокую склонность к экономическим и социально-политическим модернизациям. Англичане и японцы, французы и голландцы чрезвычайно дорожат своими культурными традициями, что не мешает им быть не меньшими модернистами, чем, скажем, жители Белоруссии, где забвение традиционных культурных норм, например национального языка, одно время было официальной доктриной администрации Лукашенко.

Культурный традиционализм в принципе не только не препятствует развитию гражданской нации, но и является одним из ее главных условий. Только общества, в которых существует традиция сакрализации таких атрибутов современности, как собственность, гражданские права, конституция, способны осуществлять последовательную модернизацию. И наоборот, те общества, где не сложилась традиция уважения конституции, собственности и гражданских прав; общества, членам которых необходимо все время объяснять и доказывать, почему нельзя постоянно пересматривать основной закон, периодически производить передел собственности и сомневаться в абсолютной ценности человеческой жизни, – такие общества обречены на постоянное чередование революций и контрреволюций, реформ и контрреформ. Традиционные культурные нормы, которые практически всегда имеют этническую оболочку и некоторую специфичность, выполняют в социальном мире такую же функцию, как инстинкты в биологическом. Человек как биологический феномен не смог бы выжить, если бы инстинктивно, не задумываясь, не отдергивал руку от раскаленного предмета. Человечество как социальное явление не выжило бы, если бы, например, не хранило не всегда объяснимую (и обычно не разъясняемую) на рациональном уровне традицию заботы о старых и немощных членах общества.

Этнический традиционализм может стать предпосылкой политического, только когда специально эксплуатируется в конкретных политических целях так называемыми этническими антрепренерами. В таких случаях те самые особенности этнического самосознания, которые обеспечивают автоматизм передачи культурных норм и культурного самосохранения человечества, становятся угрозой для социальной и политической модернизации. Эмоциональность этнических отношений используется для быстрой мобилизации масс; иррационализм восприятия традиций как должного позволяет внедрять в сознание нерациональные и иногда крайне опасные для самой общности политические цели; коллективная историческая память как хранитель традиций превращается с помощью пропаганды в механизм актуализации исторических обид и развития ксенофобии. Главное же, что коллективизм как источник сохранения коллективных представлений превращается в механизм тирании сообщества над индивидом. В условиях высокой этнической мобилизованности остракизму подвергается всякое инакомыслие, при этом коллективный «авторитаризм» общественного мнения часто бывает более жестким, чем авторитаризм личной власти. Не многие способны на поступок философа Мамардашвили, осмелившегося публично сказать, что его народ, избравший диктатора, не прав.

Механизмы инструментального использования этничности, манипулирования этническим сознанием хорошо изучены. Известна негативная роль этнических антрепренеров вообще (в теоретическом смысле) и в определенных исторических обстоятельствах в частности. Все это принимается автором в качестве базовых методологических установок данной работы. Однако я принципиально не согласен с представлениями, все больше утверждающимся в российской этнологии, о том, что всякая этническая мобилизация есть зло. Такие представления противоречат всему мировому опыту, показывающему, что подавляющее большинство современных государств мира когда-то были колониями или провинциями неких империй (Римской, Австро-Венгерской, Османской, Британской и др.) и само их появление стало возможным только как следствие протестной этнополитической мобилизации (не обязательно в форме национально-освободительных войн). Более того, бывшие колонии часто демонстрировали *большую* склонность к модернизации, чем страны-метрополии: Нидерланды по сравнению с Испанской империей, Соединенные Штаты по сравнению с Британской, Чехия по сравнению с Австро-Венгерской, Финляндия по сравнению с Российской империей и т. д. Сама логика антиимперской борьбы подталкивала новые независимые государства к развитию идей гражданской нации. Разумеется, история указывает и на другие примеры, когда новые государства приходили к диктатуре, но об этом мы еще поговорим.

Неверно полагать, что антиколониальная этническая мобилизация ушла в прошлое. До сих пор в мире существуют полноценные диктаторские империи, сохраняется и имперская политика у неимперских по своей внутренней организации государств, поэтому протестная этнополитическая консолидация неизбежна. Именно поэтому чрезвычайно важно учитывать целевую направленность этнополитических движений.

Вторая из рассматриваемых нами концепций взаимосвязи этнополитических и модернизационных процессов в постсоветской России как раз и основывается на учете политической направленности этнической активности. Точнее, речь идет об учете целей этнических элит, которые используют, и во многом направляют, этническую активность масс.

Концепция односторонней модернистичности меньшинств. В этом случае рассуждения обычно строятся следующим образом. Элиты этнических меньшинств направляли активность последних на разрушение имперских основ СССР и устранение их остатков в Российской Федерации. Такая направленность этнической активности делала ее частью модернизационного процесса, который продолжался до середины 1990-х годов. Элиты этнического большинства в России используют этническую активность, вызванную недовольством масс, в противоположных целях – для реставрации имперского устройства и в этом смысле усиливают общую традиционализацию общества. Такая направленность этнических процессов проявилась после 1999 года, т. е. в «эпоху стабилизации».

Интерпретация, основанная на учете политических целей этнических активистов, кажется мне более обоснованной, чем огульная оценка этничности как фактора политического традиционализма. Однако и она требует уточнений, отражающих неоднозначность взаимосвязи этнополитических и модернизационных процессов.

Безоговорочная поддержка национальных движений этнических меньшинств как составной части общедемократического процесса была характерна для российских либералов времен перестройки и первых лет постсоветской России. Однако сама жизнь показала упрощенность подобных оценок. Так, некоторые лидеры этнических меньшинств, выступая с антиимперских позиций и в этом смысле выполняя модернизирующую функцию на общесоюзном и общероссийском уровнях, одновременно могли навязывать политически традиционные порядки внутри своих республик (союзных или автономных). Далее, какими бы благими целями ни мотивировались требования расширения самостоятельности республик, они зачастую нарушали баланс интересов большинства и меньшинств и в той или иной мере провоцировали рост

традиционализма этнического большинства. И наконец, такая концепция неадекватно оценивает роль этнического большинства в модернизации.

Концепция модернистического потенциала этнического большинства. На мой взгляд, принципиально неверно рассматривать этническое большинство как носитель политического традиционализма. Политическая модернизация в целом и такой ее компонент, как переход от имперского общества к гражданскому, во всем мире чаще всего возглавлялись именно представителями этнического большинства. Да иначе и быть не могло, поскольку без опоры на большинство идея гражданской нации не может быть реализована. Именно представители большинства, как правило, выдвигали некие интеграционные модели для других этнических общностей. Эти модели были разными. Революционная Франция выдвигала идею гражданского равноправия для всех этнических общностей, но требовала культурной, по крайней мере языковой, однородности нации. Знаменитый лозунг аббата Грегуара гласил: все граждане должны говорить на одном языке, поскольку только тогда они могут сообщать свои мысли беспрепятственно и иметь равный доступ к государственным постам⁸. Впрочем, даже якобинская Франция проявляла терпимость к культурным особенностям этнографических групп, допуская некоторое культурное пространство для бретонцев и корсиканцев. Лидеры же этнического большинства Швейцарии, немцы, напротив, в качестве основы для национальной интеграции исходно выдвигали идею сохранения многокультурности и территориальной автономности как формы учета интересов народов, проживающих в стране.

Мировые модели формирования гражданских наций так или иначе учитывают этнические различия населения и в той или иной мере могут быть распределены на оси между французской и швейцарской моделями. Одни из них предполагают предоставление меньшинствам компенсаций за отсутствие возможности полноценной политической самозащиты электоральным путем, другие, как французская, этого не предусматривают, допуская все же какие-то формы культурных автономий, однако все они исключают возможность предоставления преимущественных прав большинству и какую-либо иерархичность построения системы межэтнических отношений. Такой тип отношений складывался только в имперских государствах, и прежде всего в государствах диктаторского типа.

Можно с уверенностью сказать, что во всех известных исторических случаях лидирующая роль представителей этнического большинства в интеграции общества сопровождалась их отказом от требований преимущественных прав для себя.

Почему привилегии меньшинствам менее опасны для общества, чем преимущества, предоставляемые этническому большинству? Прежде всего потому, что они носят заведомо компенсационный характер, тогда как преимущества большинству лишь усиливают его политическое доминирование. Еще важнее то, что преимущества, пусть даже чисто символические, большинству (составляющему 70–80 % населения страны) сразу же выводят этнический фактор в число основных социально-стратификационных и политических доминант общества. В таких условиях и речи быть не может о развитии единой гражданской идентификации для членов всего общества. Можно оспаривать результативность неких механизмов «защиты меньшинств», предусмотренных, например, Рамочной конвенцией Совета Европы о защите национальных меньшинств (1998 год)⁹, однако совершенно очевидно, что такие меры не спровоцируют усиление авторитарных тенденций в обществе, напротив, демократия проявляет себя прежде всего в своем отношении к меньшинствам, ко всем их разновидностям – политическим, конфессиональным, этническим и даже сексуальным. В то же время исторический

⁸ Brubaker R. *Citizenship and Nationhood in France and Germany*. Cambridge, 1992. P. 7.

⁹ Автор и сам писал о трудностях реализации некоторых ее положений в Российской Федерации. См.: Национальные меньшинства: Правовые основы и практика обеспечения прав лиц, принадлежащих к национальным меньшинствам в субъектах юга Российской Федерации / Под. ред. В. Мукомеля. М.: Центр этнополитических и региональных исследований (ЦЭПРИ), 2003. С. 8.

опыт показывает, что любые попытки предоставить особый статус большинству неизбежно приводили к росту авторитаризма, к диктатуре. Немецкое большинство Германии обрекло себя на диктатуру уже тем, что согласилось признать себя этнически и расово более полноценным, чем другие народы. Весьма вероятным было дальнейшее усиление тоталитарных тенденций и в Советском Союзе, если бы доктрина «руководящего народа», предложенная Сталиным в 1945 году¹⁰, успела реализоваться. Однако уже его преемник Н. Хрущев в числе первых своих решений провел общую либерализацию национальной политики, в частности принял указы о возвращении депортированных народов (1956 год).

Важно учитывать не только и не столько численность этнической общности, сколько ее роль в прошлой имперской жизни, поскольку именно этим определяется характер инструментов этнополитической мобилизации. Эти инструменты всегда связаны с актуализацией символов, хранимых в исторической памяти. Так, этническая элита меньшинств актуализирует в народной памяти прошлые обиды, связанные с угнетенным положением представителей этой общности в империи, что, как правило, предполагает требования расширения гражданских прав в современных условиях. Этническая же элита бывшего «главного народа» империи, «старшего брата», эксплуатирует совершенно иные воспоминания представителей этнического большинства, прежде всего ностальгию по символам империи: ее пространственному телу, былой мощи державы и былой роли «главного народа», и культивирует обиды, связанные с нынешним временем. Именно эта идеализация имперского прошлого как компенсация некомфортного положения в настоящем приводит к тому, что этническая мобилизация этнического большинства имеет своим наиболее вероятным следствием идею реставрации империи, пусть и в неявном виде.

Итак, только этническое большинство, оно же и электоральное большинство, способно возглавить процесс продвижения идей модернизации в обществе. Этническое большинство всегда является культурным эталоном для меньшинств, оно задает норму межэтнической толерантности, оно, как правило, характеризуется меньшей этнической тревожностью, меньшим уровнем ксенофобии и больше, чем меньшинства, готово к уступкам в межэтнических отношениях. Однако именно большинству более всего противопоказана политическая мобилизация в этнической форме. И первые годы жизни постсоветской России давали основания думать, что как раз для большинства социально-политические формы консолидации и самоорганизации более значимы, чем этнические.

¹⁰ См.: Правда. 1945. 25 мая.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.